

УДК 327

**ОДИНОКОЕ
ЛИДЕРСТВО
ЛИТВЫ 2.0**

Л. А. Карабешкин^{*}

Рассматривается внешняя политика Литвы в контексте выдвинутой в первой половине 2000-х гг. концепции регионального лидерства. Анализируются причины неосостоятельности первой попытки лидерства в 2004—2008 гг. и факторы, которые обусловили возрождение концепции в 2010-х гг. Констатируется, что, несмотря на относительно благоприятные экономические условия и некоторое улучшение отношений с соседними странами, в первую очередь Польшей, содержание литовского лидерства продолжает носить субподрядный характер («экспорт демократии»), имеет узкую повестку и его недекларируемая цель — сдерживание влияния восточного соседа. Эскалация насилия и углубление социально-экономического кризиса на Украине снижают актуальность реформ по европейскому образцу, в которых Литва считает себя экспертом, а конфронтационная риторика в отношении России приведет к экономическим потерям и росту политической напряженности в регионе.

Ключевые слова: Литва, внешняя политика, региональное лидерство, постсоветское пространство, энергетическая безопасность, российско-литовские отношения

Близится четвертьвековой юбилей второй (как минимум, в последние несколько столетий) независимости стран Балтии. Безусловно, наиболее значимую роль в формировании общественного движения за отделение от метрополии сыграла Литва. В результате советской политики именно эта республика стала крупнейшей среди стран Балтии по населению, экономическому потенциалу и уровню внешнеполитических амбиций. В межвоенный период роль неформального лидера субрегиона играла скорее Латвия.

Литва шла на шаг впереди в плане вывода российских войск в первой по-

^{*} Евроакадемия.
10621, Эстония, Таллин
Мустамяэ тее, 4

Поступила в редакцию 19.03.2015 г.

doi:10/5922/2074-9848-2015-2-2

© Карабешкин Л. А., 2015

ловине 1990-х, рассматривалась как приоритетный кандидат в НАТО во второй половине 1990-х, имела наилучшие отношения с Россией и в первой половине 2000-х гг. быстрее других балтийских республик заключила Договор о границе с Российской Федерацией (а также в рамках переговоров по Калининграду и Договор о реадмиссии нелегальных мигрантов). Наконец, Литва активнее других подключилась к «экспорту демократии» во второй половине 2000-х, посчитав уровень своей политической и экономической эмансипации достаточным для провозглашения концепции регионального лидерства. В 2013 г. Литва стала первой страной Балтии, председательствовавшей в ЕС.

Первая попытка сформулировать новые «проактивные» приоритеты внешней политики связаны с достижением цели вступления в ЕС и НАТО в 2004 г. Несмотря на всю эйфорию от этих событий, стало очевидным, что в рамках европейской политики Литве отведена роль не только географической, но и политико-экономической периферии. Концепция регионального лидерства, провозглашенная в середине 2000-х гг., должна была ответить на вопросы о новых внешнеполитических приоритетах Литвы, ее нише и специализации в европейской политике. Содержанием новой внешнеполитической концепции становится, по определению М. Юркинаса, «трансатлантический активизм и продвижение западных норм через активное вовлечение в региональное сотрудничество в регионе Балтийского моря и Восточной Европе, то есть Беларуси, Молдове, Украине и Южном Кавказе» [3]. Внешнеполитическая среда, казалось, благоприятствовала таким задачам: волна «цветных» революций затронула практически все постсоветские страны, хотя и не везде привела к власти режимы, однозначно ориентированные на Запад; интерес ЕС и США к странам постсоветского пространства возрос; оттепель в российско-американских отношениях завершилась, а отношения РФ — ЕС начинали стагнировать.

Однако при первом подходе к региональному лидерству была предпринята попытка взять слишком большой вес. Расчет на восприимчивость новых партнеров по постсоветскому пространству к предлагаемому успешному (по мнению Вильнюса) опыту трансформации и интеграции в евроатлантические структуры был переоценен, как и фактор поддержки такой политики со стороны внешних контрагентов. Постсоветские страны, которые конъюнктурно избрали опцию оппонирования России на постсоветском пространстве, постепенно возвращались к более привычному для них балансированию. Попытки конструирования альтернативных интеграционных группировок, и более широко, новой пространственной организации постсоветского региона (в частности, через проект Черноморо-Балто-Каспийского региона) оказались малоуспешными как в связи с противоречивыми интересами участников, так и с конъюнктурным характером внешней поддержки. Более эффективно функцию лидерства на постсоветском пространстве стала играть Польша, инициировав совместно со Швецией «Восточное партнерство» (хотя представители литовского истеблишмента подчеркивают факт активного участия в его выработке). Наступивший в 2008 г. экономиче-

ский кризис в наибольшей степени затронул прибалтийские страны, отодвинув внешнеполитическую повестку на далекую периферию. Неудачная (уже вторая) попытка блокирования переговорного процесса РФ — ЕС после войны в Южной Осетии (Литва не получила поддержки ни от одного другого государства ЕС), смена руководства в Польше в 2010 г. после трагической гибели Президента Я. Качинского, ряд некорректных действий вновь избранного Президента Д. Грибаускайте в начальный период первого президентства привели к внешнеполитической полуизоляции Вильнюса: фактически со всеми основными партнерами — Россией, Польшей, США — отношения развивались по нисходящей. Евросоюз также с большой осторожностью относился к попыткам Литвы играть активную региональную роль. «Региональное лидерство», формально обращенное к странам бывшего СССР, на деле в значительной степени было ориентировано на внутреннюю аудиторию и в действительности оставалось элементом политики выстраивания отношений с Россией, в которой все большую роль играла риторика сдерживания. Как отмечал Э. Некрашас, внешняя политика Литвы (в том числе в рамках ЕС) оставалась «политикой одного вопроса» (российского), а концепция регионального лидерства являлась нереалистичной, не связанной с национальными интересами Литвы и создающей препятствия в отношениях Литвы как со странами ЕС, так и Россией [5].

Стоит отметить, что парадигма политики в отношении России меняется еще в середине 2000-х гг. Если до этого периодически происходила смена риторики в отношении России от наступательно-мобилизационной до конструктивно-прагматичной, что коррелировало с доминированием в правительстве консерваторов и социал-демократов соответственно, то уже с 2004—2005 гг., в период нахождения у власти правительства во главе с социал-демократом Г. Киркиласом, она приобретает устойчиво конфронтационный характер. Мэйнстрим литовской политики приходит к выводу о том, что именно агрессивная риторика в отношении России, нацеленная на привлечение внешнего внимания и мобилизацию электората, является более эффективным *modus operandi* в отношении восточного (географически — и западного) соседа.

В практическом плане в этот период усиливается политизация энергетического сотрудничества¹, вес которого в российско-литовских отношениях был традиционно высок. После закрытия (формально — по техническим причинам) ответвления нефтепровода «Дружба» в направлении Мажейкяйского НПЗ в 2006 г. конфронтация в этой сфере начинает развиваться по спирали. Литва выступает одним из инициаторов либерализации европейских энергетических рынков (так называемого Третьего энергопакета), в рамках реализации которого национа-

¹ Примечательно, что Программа правительственной коалиции (2012 г.) декларировала необходимость «деполитизации энергетических проектов» (п. 302). Cf.: Šešioliškis vyrausybės 2012—2016 metų programa [Программа шестнадцатого правительства на 2012—2016 гг.] 13.12.2012. URL:http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=439761 (дата обращения: 26.02.2015).

лизируются газотранспортные активы в Литве, ранее частично контролировавшиеся Газпромом; развивается проект строительства терминала сжиженного газа в Клайпеде, торпедируется проект строительства Балтийской АЭС в Калининградской области, и, напротив, проталкивается слабо проработанный проект Висагинской АЭС. Вновь артикулируется вопрос компенсации Россией ущерба, нанесенного Советским Союзом в годы оккупации, принуждения России к участию в расследовании событий 1991 г. в Вильнюсе и Мядининкай.

Безусловно, активность Литвы на постсоветском пространстве, которая, как уже было отмечено, стала ключевым моментом стратегии регионального лидерства, была раздражающим моментом для Москвы. Было понятно, что такая линия реализуется в контексте активизации США и Европы в регионе, в частности американской инициативы «Расширенное партнерство в новой Европе» (e-PINE) и формирующегося Восточного партнерства Евросоюза. Примечательно, что когда в апреле 2008 г. Литва предпримет попытку блокирования переговоров РФ — ЕС по новому рамочному договору, в число требований будут включено и разрешение «замороженных» конфликтов в Грузии и Молдове. Впрочем, было бы преувеличением утверждать, что попытки влияния на постсоветском пространстве были в числе основополагающих причин заморозков в отношениях с Россией. К концу 2000-х гг. Москва в значительной степени смягчила свое отношение к Восточному партнерству, в том числе с учетом низкой эффективности программы. Кроме того, налицо пример Польши, которой активная линия на постсоветском пространстве не помешала осуществить нормализацию отношений с Россией в начале 2010 гг.

Президентские выборы 2009 г. дали легкую надежду на то, что новый литовский лидер, политическая карьера которой многими связывалась с деятельностью патриарха литовской политики А. Бразаускаса, а образование получено в России, откорректирует внешнеполитический курс Литвы. Тем более что уже в период предвыборной кампании обозначился активный интерес будущего президента к этой сфере. Комментируя концепцию регионального лидерства, Д. Грибаускайте заявила о том, что «попытки Литвы считать себя региональным лидером являются самовнушением» [7]. Новый этап в литовской политике оказался весьма противоречивым. Элементы прагматизации и попытка сбалансировать односторонний проамериканский курс за счет более активной игры в рамках ЕС, сдвиг регионального фокуса с постсоветского пространства на европейский север сопровождались ухудшением отношений с Россией на фоне приоритизации энергетической безопасности.

Представляется, что ключевую роль сыграла инерция, сформировавшаяся в результате согласования интересов системообразующих партий (в первую очередь консерваторов и значительной части социал-демократов) и бюрократии. Последняя в условиях возрастающей партийной фрагментации и экономического кризиса стала играть все более самостоятельную роль в формировании политико-экономических приоритетов и общественного мнения. Сложившийся консенсус ориенти-

рован на обеспечение максимально возможной автономии от бывшей метрополии, маргинализацию сил, выступающих за кооперативный подход в отношениях с Москвой.

Эта инерция идеологически базируется на комплексе устойчивых представлений о России и отношениях с ней. Данный комплекс, в частности, включает следующие положения. Во-первых, Россия при любых обстоятельствах представляет опасность для независимой Литвы — либо своей нестабильностью, либо с необходимостью присущими ей имперскими амбициями. Во-вторых, отношения Литвы и России носят заведомо асимметричный характер, а Россия не готова воспринимать Литву в качестве равноправного партнера. Поэтому эффективная политика в отношении России возможна только в составе коалиций в рамках ЕС, и желательно с участием США. В-третьих, гарантии безопасности в рамках Евросоюза не являются в полной мере надежными, так как ведущие европейские страны могут пойти на сговор с Россией за спиной малых стран. В этих условиях Литва заинтересована в обеспечении максимального присутствия США в регионе Балтийского моря в военно-политическом смысле (в том числе через механизмы НАТО), а также, по возможности, и экономически. При этом до последнего времени Литва рассматривала военную угрозу со стороны России как крайне маловероятную, о чем говорят низкий приоритет оборонных расходов (менее 1% ВВП), а также переход к контрактному способу комплектования армии (при одновременном усилении роли добровольцев-резервистов).

Стойкость инерции негативного восприятия России (со стороны политической элиты) подтвердили парламентские выборы 2012 г., на которых победу одержала левоцентристская коалиция социал-демократов, Партии труда В. Успаских, Партии «Порядок и справедливость» бывшего президента Р. Пахсаса, а также Избирательной акции поляков Литвы. Эти партии традиционно высказывались в пользу конструктивно-прагматичного подхода в отношениях с Россией, и коалиционный договор говорил о необходимости «использовать геополитическое положение Литвы для сближения с новыми соседями и Россией», необходимости «перезагрузки» («perkrovimas») российско-литовских отношений, смотреть не в прошлое, а в будущее [10]. Однако на практике новое правительство существенных корректив во внешнеполитический курс не внесло. Учитывая неформальные особенности литовской политической системы, в которой вес института президента, особенно в сфере внешней политики, зависит от популярности, контроль за внешней политикой фактически остался в руках Д. Грибаускайте. Впрочем, в коалиционном соглашении 2012 г. о лидерстве не говорится, а приоритеты сформулированы следующим образом: «Поощрять и развивать региональное сотрудничество, укреплять образ Литвы как центра межрегионального сотрудничества. Создавать благоприятные условия для трехстороннего сотрудничества стран Балтии. Развивать стратегическое партнерство с Польшей. Инициировать создание и закреплять новые форматы регионального сотрудничества, объединяющие государ-

ства Северной, Центральной и Восточной Европы» [10]. Данные формулировки свидетельствовали о перефокусировке литовской внешней политики на Северо-Балтийский и Центрально-Европейский регионы.

К 2013 г. Литва в основном преодолела последствия глубокого экономического спада, взяла курс на присоединение к зоне евро (осуществлено 1 января 2015 г.). Одновременно она начинает ощущать все возрастающий спрос на критический взгляд в отношении России — на фоне завершения периода перезагрузки в российско-американских отношениях, углубления стагнации в отношениях России и Евросоюза, а также все более обостряющейся геополитической конкуренции на постсоветском пространстве. ЕС пытается расширить свое влияние в регионе, в том числе через приглашение к подписанию Соглашений об ассоциации ряда стран — Молдовы, Украины, Грузии, а также Армении. Определенная поспешность Брюсселя была вызвана не столько резко возросшей готовностью постсоветских стран к более глубокой интеграции с ЕС, сколько реакцией на активизацию Евразийской интеграции. На 2013 г. пришлось первое председательство Литвы в Европейском союзе, среди основных приоритетов которого было провозглашено Восточное партнерство. Имиджевым апофеозом председательства должно было стать подписание Соглашения об ассоциации ЕС — Украина на Вильнюсском саммите Восточного партнерства в ноябре 2013 г.

Председательство в ЕС было воспринято в Литве как шанс частичной реанимации концепции регионального лидерства. Как отмечает М. Шешелгите, «можно утверждать, что Восточное партнерство является специфическим приоритетом, по которому шансы достижения чего-то осязаемого для Литвы наиболее высоки... а неподписание Соглашения ассоциации может быть воспринято в Литве с разочарованием и отменить возможные достижения президентства» [9, р. 9]. Как известно, отказ украинского руководства от подписания Соглашения приводит сначала к революционному всплеску в Киеве, а потом — к затяжному конфликту на востоке Украины. Литовские политики — как от праволиберальных, так и левых партий активно выступают в поддержку Майдана, некоторые лично принимают участие в акциях протеста. Литовское руководство занимает позицию однозначной поддержки Киева, а президент Д. Грибаускайте отметилась крайне жесткими (в сравнении с риторикой других лидеров стран Балтии и ЦВЕ) заявлениями².

Конфликт на Украине позволил литовской политической элите легитимизировать рост военных расходов, начать дискуссию о возврате призывной армии и еще больше поднять значимость энергетической безопасности (содержанием которой является политизация экономиче-

² «Украина сегодня борется за мир во всей Европе, за всех нас. Если террористическое государство, которое осуществляет агрессию против своего соседа, не остановить, то агрессия может распространиться на Европу и дальше». Цит. по: *Грибаускайте* обещает помощь Киеву. BBC Украина. 24.11.2014. URL: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/11/141124_ru_s_gribauskaite_visit_to_kyiv (дата обращения: 01.03.2015).

ского сотрудничества в энергетической сфере), в том числе по вопросу строительства Висагинской АЭС (ВАЭС). Несмотря на результаты референдума (2012), на котором большинство литовцев выступили против строительства АЭС, плохо скрываемое нежелание Латвии и Эстонии соинвестировать в ВАЭС, а также отсутствие перспектив привлечения средств структурных фондов ЕС, литовские руководители (президент, премьер, министр энергетики) начали вновь прощупывать общественное мнение на предмет развития собственной атомной энергетики³. Представляется, что, несмотря на очевидные экономические, финансовые, технологические и экологические сложности, у проекта ВАЭС есть определенная перспектива. Во-первых, после остановки второго энергоблока Игналинской АЭС в 2009 г. Литва превратилась в крупного импортера электроэнергии, второго по объему покупателя российской энергии за рубежом (порядка 70% потребления). Во-вторых, существуют технологические возможности развития атомной генерации на базе инфраструктуры, оставшейся от ИАЭС. В-третьих, в контексте планируемой к 2025 г. (фактически это, вероятно, произойдет позднее) десинхронизации энергосистем стран Балтии от России и Беларуси (так называемой энергосистемы BRELL) ВАЭС может стать источником региональной базовой генерации. Наконец, в политическом плане к концу 2014 г. была решена задача диверсификации поставок газа — запущен плавучий терминал в Клайпеде. Таким образом, литовская элита может сформулировать новые задачи в сфере энергобезопасности.

Казалось бы, передовой опыт применения наиболее радикального варианта Третьего энергетического пакета, который в действительности позволил Литве добиться скидки на газ от Газпрома в размере 20% (впрочем, менее склонные к резким действиям Латвия и Эстония длительное время получали газ дешевле Литвы) [4], может стать подспорьем в контексте выстраивания регионального лидерства. Однако ряд обстоятельств вынуждают подвергнуть данный тезис сомнению: терминал СПГ не покрывает всей потребности страны и пока не привел к снижению цены для конечных потребителей (при том, что рассчитанная по формуле цена трубопроводного газа снижается вслед за нефтяными ценами); возрастают постоянные издержки на поддержание инфраструктуры и снижается привлекательность реализации других проектов в энергетической сфере, в частности, газовое соединение с Польшей (за что Вильнюс подвергался критике из Варшавы [6]); демонтируется каркас экономического взаимодействия в регионе Балтийского моря, в значительной степени базировавшийся на энергетическом фундаменте. Выход Газпрома из капитала литовских газотранспортных компаний может в результате привести к прекращению транзита газа через Литву в Калининградскую область как по экономическим сообра-

³ См., например: Глава Литвы вновь говорит о строительстве новой АЭС — электричество в России слишком дорогое. ИА Регнум. 22.01.2015 URL: <http://regnum.ru/news/1887276.html> (дата обращения: 14.03.2015).

жениям, так и в связи со снизившейся взаимозависимостью и возросшими рисками [2]. Таким образом, будет ослаблено влияние фактора калининградского транзита, традиционно служившего стабилизатором российско-литовских отношений.

Заключение

Стремление малых стран к повышению своего статуса и преодолению политико-экономической периферийности за счет реализации либо медиативных функций, либо лидерства в отдельных функциональных областях давно замечено политологами. На постсоветском пространстве ряд стран выказывали претензии на региональное лидерство, хотя реальные результаты, как правило, носили имиджевый характер.

В Вильнюсе верят, что ряд факторов дает Литве право претендовать на особую политическую роль. Во-первых, Литва (наряду с другими восточноевропейскими странами) обладают более глубоким уровнем экспертизы по вопросам политики России и стран постсоветского пространства. События на Украине 2014—2015 гг. используются в подтверждение правильности представлений Литвы о политике России. Во-вторых, у Литвы есть богатый опыт рыночной трансформации и демократических реформ, увенчавшихся вступлением в НАТО и ЕС, в которых страна «в состоянии оказывать влияние на формулирование целей общей внешней политики и безопасности» [8]. В-третьих, считается, что население Литвы настроено более проевропейски, нежели в среднем по Европе, и эту позицию успешно транслирует политическая элита: к примеру, Литва гордится тем, что была первой страной ЕС, ратифицировавшей Конституцию Европейского союза (Лиссабонский договор) [9, р. 3].

Казалось бы, более благоприятны и те факторы, которые ранее препятствовали реализации концепции регионального лидерства. Постепенно нормализуются отношения с соседними странами, в частности Польшей. Литва пытается реализовывать особый подход в отношениях с Беларусью. Экономический рост приобрел устойчивый характер, хотя говорить о наличии привлекательной внутренней модели развития было бы преувеличением. Председательство в ЕС позволило приобрести аппаратно-бюрократический опыт в рамках Евросоюза, а события на Украине подтвердили правильность того курса, который Литва избрала в отношениях с Россией. Политика на постсоветском пространстве направлена на капитализацию веса в ЕС («Росту влияния маленьких стран способствуют и такие моменты, как имидж и репутация государства. Накапливать данный "капитал" помогает последовательная проевропейская политика страны, ее способность передавать свой удачный опыт внешним партнерам и т. д.» [1]). Наконец, в пользу активности Литвы играет ее небольшой размер, позволяющий выдвигать инициативы, которые более крупные страны не могут реализовать от своего имени.

Однако, как представляется, развитие событий на Украине в среднесрочной перспективе в очередной раз высветит проблемные аспекты регионального лидерства Литвы, которое имеет субподрядный (трансляция лидерства и моделей развития более влиятельных центров силы), негативный характер (ослабление позиций влиятельного регионального игрока, вплоть до сдерживания), имеет узкую региональную повестку (часть постсоветского пространства). Военные действия на Украине и углубляющийся там социально-экономический кризис делают всё менее актуальными экономические реформы по европейскому образцу, не говоря уже о перспективах интеграции в трансатлантические структуры. Острая фаза геополитического соперничества ограничивает возможности малых стран, а однозначная поддержка только одной стороны обесценивает посреднический потенциал. В условиях возрастающего значения силового фактора в мировой политике позиции Литвы также не выглядят предпочтительными.

Кроме того, лидерство предполагает наличие ведущего и ведомых. Представляется, что постсоветские страны нельзя отнести в полной мере к ведомым странам, так как они, скорее, объект, нежели субъектом политики. Несмотря на активные усилия по выстраиванию оси Вышеградская группа — страны Балтии — Северные страны (V4/NB8), позиции данных государств по вопросу об отношениях с Россией и ситуации на постсоветском пространстве расходятся. Северные страны традиционно стремятся держать страны Балтии на определенной дистанции. Страны Вышеградской группы в последние годы пошли на нормализацию политических отношений с Россией, что было подкреплено и целым комплексом совместных экономических проектов. Остаются Латвия и Эстония, которые, несмотря на декларируемую поддержку постсоветских республик, реализуют в регионе крайне осторожную политику «низкой интенсивности», стремясь избегать ненужной напряженности как в отношениях с Россией, так и внутри своих стран (с учетом большой доли нетитульного населения). Это, однако, не означает, что Рига и Таллин готовы поручать Вильнюсу выполнять за них грязную работу. Балтийская солидарность носит весьма эфемерный характер, общность интересов в энергетической, транспортной и даже оборонной сфере весьма ограничена.

Список литературы

1. *Бруналас Б.* Лидерство Литвы в регионе: возможности маленьких стран ЕС. 27.06.2011. URL: <http://www.geopolitika.lt/?artc=4751> (дата обращения: 02.02.2015).
2. *Горлин Б.* «Балтийский СПГ» получит финансирование // Коммерсант. СПб., 2014. 21 нояб.
3. *Jurkinas M.* Has Lithuanian Foreign Policy Become Personalised? // *Diplomaatia*. No 80. 2010. URL: <http://www.diplomaatia.ee/en/article/has-lithuanian-foreign-policy-become-personalised/> (дата обращения: 01.03.2015).
4. *Kardas, Szymon.* The Tug of War. Russia's Response to Changes on the European Gas Market. Warsaw, 2014.
5. *Nekrašas, Evaldas.* Kritiniai nepamasttymai apie Lietuvos užsienio politika // *Politologija*. 2009. №2. P. 123—142.

6. Polish Foreign Minister says Lithuania cannot have both LNG terminal and gas pipeline to Poland. European Dialogue. 06.03.2013. URL: <http://www.eurodialogue.eu/energy-security/Polish-Foreign-Minister-says-Lithuania-cannot-have-both-LNG-terminal-and-gas-pipeline-to%20Poland> (дата обращения: 01.03.2015).

7. *Samoškaitė, Eglė. D. Grybauskaitė: šiandien Lietuvos lyderystė isikalbėta.* DELFI. lt. 11 May, 2009. URL: <http://www.delfi.lt/archive/dgrybauskaite-siandien-lietuvos-lyderyste-isikalbeta-atnaujinta.d?id=22076134> (дата обращения: 05.03.2015).

8. *Światłowski Bartosz.* Andrius Krivas: Lithuania does not stand alone. Visegrad + Forum for Visegrad + Studies. 25.01.2015. URL: <http://visegradplus.org/opinion/andrius-krivas-lithuania-not-stand-alone/> (дата обращения: 01.03.2015).

9. *Šešelgyte, Margarita.* The First Leadership Test: What to Expect from the Lithuanian Presidency of the EU. European Policy Analysis. 2013. No. 13.

10. *Šešiolytis* vyrausybes 2012—2016 metu programa [Программа шестнадцатого правительства на 2012—2016 гг.]. 13.12.2012. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=439761 (дата обращения: 26.02.2015).

Об авторе

Леонид Александрович Карабешкин, кандидат политических наук, профессор, и.о. декана факультета международных отношений, Евроакадемия, Таллин, Эстония.

E-mail: leonid@euroakadeemia.ee

LITHUANIA'S LONELY LEADERSHIP 2.0

L. Karabeshkin*

Euroacademy, 4 Mustamäe tee, Tallinn, 10621, Estonia

Submitted on March, 19 2015

The article scrutinizes Lithuanian foreign policy within the framework of the regional leadership concept first introduced in the early 2000s. The reasons of failure of the first leadership attempt in 2004—2008 are analyzed, as are the reasons behind the revival of the concept in 2010 and onwards. While the overall economy seems to be on the mend and the relationships with the adjacent countries (Poland, mostly) are improving, Lithuanian leadership, argues the author, is still very much a subcontract one: it follows the model of “export democracy”, has a narrow agenda and is implicitly geared towards curtailing the influence of its eastern neighbor. The escalation of violence and further development of social and economic crisis in Ukraine make a European-style reform (where Lithuania is a self-proclaimed expert) even less relevant, and confrontational rhetoric towards Russia may lead to economic losses and contribute to rising political tension in the region.

Key words: Lithuania, foreign policy, regional leadership, Post-Soviet space, energy security, Russian-Lithuanian relations.

References

1. Brunalas, B. 2011, *Liderstvo Litvy v regione: vozmozhnosti malen'kih stran ES* [Leadership of Lithuania in the region maybe a little EU], available at: <http://www.geopolitika.lt/?artc=4751> (accessed 02.02.2015).
2. Gorlin, B. 2014, «Baltijskij SPG» poluchit finansirovanie ["Baltic LNG" will receive funding], *Kommersant SPb*, 21 November.
3. Jurkinas, M., 2010, Has Lithuanian Foreign Policy Become Personalised? *Diplomaatia*, no. 80, available at: <http://www.diplomaatia.ee/en/article/has-lithuanian-foreign-policy-become-personalised/> (accessed 01.03.2015).
4. Kardas, Sz. 2014, *The Tug of War. Russia's Response to Changes on the European Gas Market*, Warsaw, 54 p.
5. Nekrašas, E. 2009, Kritiniai nepamastymai apie Lietuvos užsienio politika, *Politologija*, no. 2, p. 123—142.
6. Polish Foreign Minister says Lithuania cannot have both LNG terminal and gas pipeline to Poland, 2013, *European Dialogue*, 6 March, available at: <http://www.eurodialogue.eu/energy-security/Polish-Foreign-Minister-says-Lithuania-cannot-have-both-LNG-terminal-and-gas-pipeline-to%20Poland> (accessed 01.03.2015).
7. Samoškaitė, E. 2009, D. Grybauskaitė: šiandien Lietuvos lyderystė įsikalbėta, *DELFI.lt*, 11 May, available at: <http://www.delfi.lt/archive/dgrybauskaite-siandien-lietuvos-lyderyste-isikalbeta-atnaujinta.d?id=22076134> (accessed 05.03.2015).
8. Światłowski B. 2015, Andrius Krivas: Lithuania does not stand alone, *Visegrad+ Forum for Visegrad+ Studies*. 25 January, available at: <http://visegradplus.org/opinion/andrius-krivas-lithuania-not-stand-alone/> (accessed 01.03.2015).
9. Šešelgyte, M. 2013, The First Leadership Test: What to Expect from the Lithuanian Presidency of the EU, *European Policy Analysis*, no. 13, 16 p.
10. Šešioliktos vyrausybes 2012—2016 metu programa, 2012, *Lietuvos Respublikos Seimo Kanceliarija*, available at: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=439761 (accessed 26.02.2015).

About the author

Prof. Leonid Karabeshkin, Acting Dean of the Faculty of International Relations, Euroacademy, Estonia.

E-mail: leonid@euroakadeemia.ee